

М.Ф. Ершов

Скрытые образы русского пространства: путь от богатыря до жреца

Аннотация. В статье анализируются культурные аспекты формирования образов древнерусского города и пространства. Для Восточно-Европейской равнины была характерна хронологическая смена образов. Рождение российской цивилизации вело к постепенному вытеснению маргиналов. В образах богатыря, палача, жреца раскрываются осознание отечественного пространства в его исторической эволюции.

Ключевые слова: богатырь, город, жрец, маргинал, монастырь, образ, палач, периферия, пространство.

M.F. Ershov

Hidden images of the Russian space: the way from hero to priest

Summary. The article analyzes the cultural aspects of the images formation of the Old Russian town and space. For the East-European Plain the chronological change of images was typical. The birth of Russian civilization led to the gradual ousting of marginals. The awareness of domestic space in its historical evolution is revealed in the images of hero, executioner and priest.

Keywords: hero, town, priest, marginal, monastery, image, executioner, periphery, space.

На сегодняшний день в исторических дисциплинах ощутимо смещение интереса от объекта к отображаемому им образу. Анализ образа, видимости, представления иногда дает много больше знаний об объекте, чем его «любимое» непосредственное изучение. Парадоксально, но далеко не все образы явны, открыты для глаз постороннего наблюдателя. Образ обычно формируется стихийно и не заявляет о себе, что он – «образ». Одни из таких скрытых объектов это образы окультуренного, очеловеченного пространства.

Причина заключается в том, что человек как объект и субъект культуры занимает в этом пространстве двойственное положение. Соответственно он одновременно наблюдатель и наблюдаемый. Как наблюдатель он ограничен физическими и культурными пределами. Что-то не осознается в ту историческую эпоху, в которой он живет, что-то теряется в последующие времена. Данные обстоятельства требуют особо тонких, междисциплинарных исследовательских подходов.

Для анализа социокультурной эволюции скрытых образов русского города и окружающего его провинциального пространства IX-XII вв. необходимо предварительное рассмотрение особенностей той среды, которая его окружала в период генезиса. Какие же основные черты были ей присущи?

Во-первых, это непосредственное влияние природно-географических факторов. Это климат, близкий к континентальному, с высокими перепадами годовых температур. Это короткое лето и низкое плодородие почв. Гомогенный равнинный ландшафт. Отсутствие горных массивов и, соответственно, доступных полезных ископаемых на Восточно-Европейской равнине.

Во-вторых, это воздействие социальных факторов. Объективно природные условия давали ряд параметров общественной жизни. К ним относится низкая плотность населения и трудности, связанные с управлением рассеянных, разреженных и достаточно мобильных человеческих масс на обширных пространствах.

Незначительное количество излишков, которое можно было отчуждать у непосредственного производителя. Господство коллективистских начал в локальных социумах. Данные обстоятельства вели к слабости и неразвитости государственных институтов.

Генезис и последующая трансформация отечественных городов вынужденно зависели от вышеизложенных причин. У древнерусского города во многом отсутствовали внутренние, на уровне окружающих территорий и даже региона, потенции для полноценного существования. Редкое и бедное население было спаяно коллективными узами и вело комплексное натуральное хозяйство. Оно плохо годилось на роль «строительного материала» при создании социального тела городов.

Для «запуска» урбанизации требовалось заимствование чужеродных элементов для цементирования новых реалий. Нужны были некие скрепы, своеобразные точки роста «кристаллов» городской культуры. Именно они смогли бы по-новому структурировать достаточно аморфное социальное пространство Восточно-Европейской равнины. Поэтому древнерусские города первоначально зарождались при внешнем пособничестве. По преимуществу межрегиональная торговля и транспортировка товаров служили стартовыми площадками для первоначального формирования городской культуры.

Торговые пути: «из варяг в греки», волжский в Булгарию, из Китая в Западную Европу – вот та база, которая стимулировала возникновение древнерусских городов. Новгород и Ладога лежали на выходе из Финского залива. Киев – на границе леса и степи, левого и правого берегов Днепра. Смоленск и Полоцк одновременно тяготели к южному берегу Балтийского моря и к центральному району Восточно-Европейской равнины. Ядро городского населения таких городов составляли торговцы и воины, которые участвовали в распределительных и перераспределительных отношениях. Их существование подтверждается присутствием варяжского населения в Новгороде и Смоленске или иудео-хазарского в Киеве.

Древняя Русь, хотя и находилась на периферии Европы, не сумела избежать соприкосновения с выходцами из Скандинавии. По мнению Г.С. Лебедева, на Северо-западе Восточно-Ев-

ропейской равнины сложилась своеобразная полиэтническая Скандобалтская цивилизация [1, 276-279]. Еще более категоричен С.А. Нефедов. Он жестко заявляет о завоевании Древней Руси викингами [2, 95-101]. Вне зависимости от степени правоты того или иного исследователя, нахождение варягов на территории Руси не могло не отразиться на формировании образов отечественного города.

В социальном отношении прибывшие на Русь не обязательно должны были поголовно влиться в состав господствующего класса. Важнее иное. Все мигранты, вне зависимости от социального статуса, были посредниками между локальными социумами, бродягами и маргиналами. Их положение было двойственным. Они, в силу обстоятельств, оторвались от стабильного существования, от отеческой «земли». Им требовалась культурная, искусственно сделанная пространственная замена уже утерянной стабильности. Временно такой заменой был корабль, позднее – город.

Отсутствие подлинности, искусственность порождали внутренний дискомфорт. Поэтому пришельцы приносили в создаваемые города, обычно несвойственный для таких поселений, дух анархии и произвола. В то же время торговля и длительное пребывание на нередко этнически чуждой территории требовали умения находить контакты, договариваться, ограничивать свои эгоистические устремления. Кроме того, желание приобрести (мирным или вооруженным путем) производимые излишки формировало взаимные дисциплинирующие практики. Без них генезис городов и последующий генезис государственности был попросту немислим.

Таким образом, древнерусские города оказались связаны с вертикальной и горизонтальной мобильностью, с передвижением вообще. Это наложило отпечаток и на формирование их собирательного образа. Скорее всего, первые города на Восточно-Европейской равнине не могли похвастаться особым внешним обликом. Их социальные функции еще не перевоплотились в особые, зрелищные архитектурные формы. В былинное смутное время полуземлянки, деревянные дома, деревянная ограда или деревянные же крепостные стены, наверное, почти не отличались от подобных же, но еще не городских сооружений.

Соответственно образ города должен был отрываться от собственного непритязательно-материального носителя и не вполне ему соответствовать. Данное положение сохранилось до настоящего времени. В отечественной культуре все еще присутствует откровенное пренебрежение к облику городской среды. Конечно же, и ранее современники осознавали появление новых социальных реалий. Однако это осознание осуществлялось по-особому, было завуалировано образно-мифическими сюжетами. Образ недавно возникшего города оказался связан не с примитивной материальной инфраструктурой – она была бедна, не «цепляла» глаз, – а с яркими героическими личностями.

Можно предположить, что становлению единого образа определенного города предшествовали разнообразие персонифицированные городские образы, мало связанные с конкретными поселениями. Эти городские образы были пока еще бродячими, как и пришлое городское население. Их окончательное слияние с городом, переплавка в образ города произошли много позднее. В народной памяти оказались надолго запечатлены те мифические пассионарные персонажи, которые выламывались из привычной патриархальной среды. Именно они, драчливые изгои и авантюристы, сосредотачивались в пока еще сплошь деревенно-серых городских поселениях, либо неподалеку от них.

Поэтому близкие к реальности образы неказистых городков, а иногда и просто перевалочных пунктов на путях транзита, оказались закрыты образами их первоначальных обитателей – богатырей. Богатырь из русских былин был связан с городом, что, однако, не мешало ему конфликтовать с князем, олицетворявшим государственную власть. Образы богатырей это одновременно и образы новых, еще неотесанных горожан, даже собирательные, хотя и не полные образы города вообще, и образы тех социальных, но не крестьянских, слоев, которых не устраивал формирующийся новый государственный порядок. Не случайно, что богатыри находятся в вечном конфликте. С князем. С городом, вплоть до сноса маковок церквей. И, наконец, – между собой.

Разумеется, образы богатырей не сводимы только к городу, и не ограничиваются им.

Но единые экономические и культурные предпосылки появления городов и богатырей объективно вели к сходству их образов в ранний период. Город, изымая излишки, нуждался в средствах принуждения, в вооруженной силе. Проблема, однако, заключается в том, что эта вооруженная сила еще относительно самостоятельна, архаична и анархична. Пока у государства не было военных и гражданских чиновников, их место оказалось занято пришельцами или богатырями.

Что объединяет образы древнерусского богатыря и города, помимо единства происхождения, пространственного соприкосновения и социальных контактов? Близость к социальным верхам, способность к защите своих прав, вплоть до силового разрешения. Некая, мало проговариваемая тяга к идеалу, отторжение от обыденности. У богатырей они перевоплощаются в жажду праздника, в тягу к приключениям, в значимое публичное слово, сохраняемое и передаваемое в социуме от поколения к поколению. Громкими поступками и даже емкими словами, не расходящимися с делом, богатыри обеспечивают не только известность, но и существование города.

Своими подвигами они создают прецедент, конструируют новую реальность, принципиально отличную от безвестной обыденности. Заявлять о себе – значит быть (вспомним библейское: «вначале было Слово»). В этой формуле мифического мировосприятия слово и образ, образ и отображаемый им объект, человек как культурный герой, его значимые действия и территория, им защищаемая, слиты воедино. «Ласковый» князь Владимир, напротив, как полноценный управленец, героических поступков уже не совершает. Он, в основном, говорит. И – фактически руководит подвигами не слишком-то покорных богатырей.

Эпитеты «славный» равным образом применимы и к князю (вспомним типичные княжеские имена: Святослав, Святополк, Всеслав, Мстислав, Изяслав), и к городу. Поэтому «Как из славного города из Мурома», «Как из славного города из Киева», «В славном великом Новгороде» – привычные зачины русских былин. Но славу городу приносят именно богатыри. Благодаря их силе (вспомним, в свою очередь, эпитет «могучие») поселение не только избавляется от врагов, но и становится городом.

Характерно начало былины, посвященной молодому Добрыне Никитичу и его борьбе со змеем:

Доселева Рязань она селом слыла,

А ныне Рязань словоет городом.

В другом варианте былины Рязань числится слободой. Примечательно уточнение одного из исследователей: «Из этих стихов следует, что Рязань, будучи слободой, т.е. пригородом, не могла давать богатырей, равных Илье Муромцу. Теперь возвысившись до ранга города, она породила Добрыню, способного победить самого сильного богатыря [3, 48].

Полностью с данной позицией согласиться нельзя. Здесь произошла перестановка причин и следствий. Для современников былинных событий не город «делает» богатыря (например, Илья Муромец из крестьян), скорее наличие собственных богатырей, неважно коренных или пришлых, превращает поселение в полноценный город. Город приватизирует богатырскую силу, оборачивая ее ростом собственного статуса. И чем выше его статус, тем больше богатырей требуется городу. Далеко не случайно, что большинство былинных богатырей тяготеют к столичному Киеву.

Былины также фиксируют при дворе князя Владимира наличие похвальбы, своеобразных конкурсов в среде пирующих. Приближенные к князю претендуют на обладание какими-либо особенными, превосходящими других конкурентов, качествами. В том числе и богатырской силой. Заметим, что прослеживается определенная аналогия между данными сюжетами и летописными сведениями. Так, у летописца явно присутствуют комплексы, связанные с профессиональной принадлежностью мифического Кия – как заурядного перевозчика. Потребовались невразумительные уточнения о походе на Царьград для придания Кию (и городу!) богатырского величия.

Богатыри дают городу и князю славу, претендуя в ответ на престижные подарки, приглашение на пир и на повышение собственного статуса. «К числу традиционных способов героизации викинга-наемника принадлежит описание вознаграждения, получаемого им за службу, – замечают авторы книги «Древняя Русь в свете зарубежных источников». – Таким вознаграждением обычно бывает особенно дорогой предмет: меч, плащ, кольцо или браслет.

Ценность подарка материализует заслуги викинга, с одной стороны, служит формой приобщения героя к удаче и славе лица, сделавшего подарок, с другой» [4, 48].

Передача и получение ценной вещи близки к дарообмену, хорошо известному этнологам. Одновременно это средство включения в жизнь и дела городского социума. Не случайно, что Ю.М. Лотман пришел к выводу, что честь является «атрибутом младшего феодала» и всегда имеет материальное выражение. А.А. Зимин, пытаясь опровергнуть его доводы, акцентировал внимание на том, что понятие «слава» применяется и к дружине. Представляется, что научная позиция Ю.М. Лотмана (с дополнениями П.С. Стефановича) все же более убедительна [5, 48].

Честь (ср.: часть) в основном относится к индивидууму. Честь мобильна. Она теряется и может быть легко утрачена при негативном внешнем воздействии, если проявить нерешительность и пассивность. Слава же, как правило, атрибут стабильный, идеальный и коллективный. Она применима к дружине, к городскому социуму или их законному представителю – князю. Однако в очеловеченном пространстве «земная слава», не есть нечто неизменное, она непосредственно связана с честью.

Дело в том, что город всего лишь модель идеального неизменяемого мира, и, конечно же, она не тождественна последнему. Город находится на постоянно меняющейся грешной земле. Грехи и осуждаемые поступки (в том числе и князя) девальвируют славное прошлое. Городской организм, чтобы выжить, нуждается в притоке славы, как в своеобразном кислороде. Поскольку индивидуальная честь богатыря или дружинника является частью коллективной городской славы, их подвиги формируют эту славу и востребованы городским сообществом.

Характерно, что взаимные переходы от чести к славе и от славы к чести невозможны без обязательного опосредующего звена. Честь, хотя и требует действий, подтверждений, в целом, скрыта. Сама она изначально присуща человеку, но ее оппозиции – бесчестье и слава – всегда озвучены словом (ср.: слава – слово) и поэтому явны. Такими глашатаями бесчестья или славы выступают сказители, проповедники,

иные участники межкультурных контактов; короче, горожане и город в целом. И только затем, после осознания славы городом и осознания славы города внешними агентами, эта использованная информация достигает деревенского мира, где и консервируется на столетия в виде былин.

Итак, одних социально-экономических не-земледельческих функций оказывается недостаточно для приобретения городского и особенно столичного статуса. Для признания города городом необходимы военно-политические и культурные дополнения. Видимо, по этой причине следующие за основателем Киева известные легендарные руководители Аскольд и Дир были убиты более удачливым (т.е. сильным) Олегом, находящимся при малолетнем Игоре, которого опекун избавил от необходимости вступать в непосредственное противоборство. Но результатами победы в будущем воспользуется именно князь Игорь и его потомки.

Разумеется, что далеко не каждый город должен был с необходимостью пройти «свой» богатырский этап. Однако на примере его расплывчатых богатырских образов вполне допустимо исследовать специфику конкретной эпохи. Поэтому речь здесь идет не столько об истории конкретного русского города, сколько об определенных закономерностях эволюции социальных образов концентрированного человеческого пространства. И в первую очередь – пространства неосвоенного, периферийного, скрытого, того, где начинаются истоки урбанизационных процессов.

Используя данный подход, можно наблюдать множество общих, но хронологически разделенных моментов. Так, например, время возникновения первых древнерусских городов и время строительства первых русских городов в Сибири порождали схожие мифологемы. Поражают присутствующие в обоих случаях трафаретные черты в связанных с городами легендарных персонажах. У них немереная сила, сверхъестественные способности, хитрость, конфликты и контакты с государственными институтами. Видимо, не случайно в былинном мире мифические Илья Муромец и Ермак Тимофеевич оказываются соратниками и даже современниками.

Какая же эпоха по преимуществу характерна для богатырских образов города и окружающих его территорий? Вне всякого сомнения – эпоха генезиса российской цивилизации, эпоха рождения городов и действий мобильных пришельцев. Осваиваемая территория выступает в качестве экономического донора и культурного реципиента их активности. Откуда же привносятся новые, причем достаточно агрессивные богатырские образы? Разнонаправленность культурных заимствований на Восточно-Европейской равнине не отменяет необходимости выявления господствующих заимствований. Определяющее геополитическое и культурное воздействие этого периода – северное, варяжское.

В современных гуманитарных дисциплинах нередко фиксируется, что старт урбанизационных процессов и начало формирования государственности у восточных славян начались много ранее относительно легендарного 862 г. Так, весьма характерно название одной из отечественных монографий: «Государство и право Древней Руси (759-980 гг.)» [6]. И действительно, начало данного периода можно условно отнести к середине VIII в. Причины расположены вовне: это значительные геополитические подвижки вокруг Восточной Европы.

Прекращение арабо-хазарских войн и развитие торговли в это время почти совпало с последующим началом норманнских завоеваний в Западной Европе. Нет сомнения, что контакты норманнов (мирные и военные) с населением Восточной Европы были установлены на десятилетия раньше. В том числе и потому, что при императорах Исаврийской династии была стабилизирована византийская государственность. Возрожденная Византия могла позволить себе торговать и приглашать наемников. На западе Европы «ленивых» Меровингов сменяют энергичные Каролинги. Укрепившая свою мощь Франкская держава начинает экспансию на Восток, вплоть до славянских земель.

Необходимость внутренней консолидации перед внешним давлением с нескольких направлений переоплотилась у восточных славян в государственное строительство. И варяжский вариант генезиса нашего государства, по сравнению с иными альтернативами, был достаточно привлекателен. Объективно варвар-

ское давление с севера диалектически переволплодилось, в последующий период, в интерес к югу, к цивилизованной Византии. Северные пришельцы, оторванные от своих корней, оказались не слишком обременительны для аборигенов и максимально податливы для ассимиляции. Потеря этнической (первоначально: норманнской, «русской») идентичности наложила свой отпечаток и на образы богатырей.

При всей своей несхожести, тяге к перемещениям и даже поездкам за границу, богатыри не чужеземцы, не насильники, а, подобно укрепленным городам, полноценные защитники родной земли. Богатыри отличаются не только буйством, но и привлекательностью. Для анонимных авторов былин они не всегда идеальные, но, несомненно, положительные персонажи. С чем связана данная трансформация? И куда же исчезли пришельцы-завоеватели? Полагаем, что до наших дней дошли не просто образы богатырей, а именно поздних богатырей, богатырей на закате их существования.

Объективно к концу X в. норманнская экспансия исчерпала свои возможности. И тогда эпоха пришельцев начинает стремительно уходить в прошлое. Утрачивая мобильность и агрессивность, бывшие чужаки окончательно становятся своими. Укоренившись на Руси, могучие богатыри стремятся быть полезными для страны и ее городов. Перед угрозой социальной деградации они вынуждены возвеличивать себя и истово защищать присущую им корпоративную этику. Но все это мало помогает нашим героям. Со временем они перестают быть востребованы как государством в целом, так и отдельным городом.

Не случайно, что русские былины проникнуты восхищением и грустью перед уходящим миром богатырей. Одновременно это скрытое прощание и с психологической близостью внутри формирующегося городского социума. В былинном эпосе поэтически отражены возможности личностного героического, богатырского поступка, решения проблем на основе дружеских или враждебных контактов, без обращения к сухому закону.

И действительно, центральный, хотя и не главный, герой былин Владимир был последним из русских князей, кто еще мог поступить только по своей воле, не будучи связан церковной догмой или нормами права. Но, как спра-

ведливо замечает Е.Ф. Сабуров: «Город – это отказ от свободы и борьба за минимизацию этого отказа» [7, 31]. Богатыри оказались не способны к данной минимизации, они не умели полноценно соблюдать уже сформировавшиеся городские нормы и компромиссы.

Древнерусский город со временем вырастал из богатырских доспехов, ставших слишком малыми для расширяющегося пространственного социального организма. Но он же использовал богатырскую этику как исходный материал для конструирования собственных ценностей, на этот раз уже ценностей не богатыря, а полноценного города. Раз мифические богатыри защищают город, значит, он того стоит. Значит, между образами города и богатыря есть существенные сходства.

Более того, богатырь должен быстро и решительно не только победить врагов, но и устранить зреющие внутри социума конфликты. Именно в такой способности нуждается городской организм. У него должны быть устойчивые внутренние связи, в противном случае существует угроза распада города как системы. Данные потенциальные возможности осознаются на мифическом уровне, персонажи идентифицируются.

Поэтому уходящие в небытие образы богатырей сближаются с сакральными фигурами, непосредственно связанными с миром божественной справедливости. Образ древнерусского богатыря вызывает уместные аналогии с образом русского царя. Оба персонажа должны прийти на помощь, когда остальные, обычные меры уже исчерпаны. Но при всей своей мощи богатырь так и не дотягивает до уровня царя. Царь сакрален. Царю нужны подданные и завоеванные территории.

Богатырь же маргинал, он замкнут в себе и далеко не идеален. Для него порицаемые горизонтальные дружеские социальные связи, даже с голью кабацкой, куда значимее связей иерархических, статусных, вертикальных. Объяснение этому поведению одно: неразвитость государственных институтов. Государство еще не встало ни над обществом, ни над отдельной личностью.

Так, например, несмотря на господство Киева и иноземную династию, местным населением Древняя Русь и ее отдельные территории не воспринималась в качестве завоеванной

провинции. Нет также сведений о повсеместном терроре норманнов (что было характерно для Западной Европы) или о зависимости киевских князей от их единоплеменников в Скандинавии. Были партнерские договорные отношения – и только. Более того, за рубежом, на родине норманнов, ее уважительно называли «Великой Швецией» (Cvithiod hin Mikla) [2, 103].

И столичный Киев, «мать городов русских», не обладал на Руси статусом абсолютного гегемона. Хотя и занимал в рейтинге отечественных городов первое место. Связано это было с нахождением здесь великого князя. Однако не малую часть своего времени киевский князь проводил и вне собственной столицы. Кроме того, при жизни киевского князя его наследники часто сидели в других городах.

Отсутствие детальной дифференциации очеловеченного пространства вело к тому, что в Древней Руси не было четкого деления на столичный и провинциальный миры. Отсутствовали также и провинциальные комплексы перед внешним, заграничным окружением. Находясь на торговых путях, русские города не чувствовали своего отчуждения от большого мира. У их жителей не было назойливого стремления любым способом переселиться в столицу. Заметим, что при малейшей размолвке былинный богатырь мог покинуть не устраивающего его князя.

Летописные данные также свидетельствуют, что дружинники того времени имели право отъезда. Они предпочитали служить у удачливого монарха, который обеспечивал им престижное потребление. В принципе это мог быть киевский князь, норвежский конунг, византийский базилевс, или любой другой сюзерен. Основным условием близости к монарху была не этническая принадлежность, а то, что служило прославлению его сюзерена. Это могли быть личная известность, или знатность предков, аристократизм. Историк А.Г. Кузьмин емко охарактеризовал данную авантюрную среду, где личная известность и кровные связи доминировали над этнической принадлежностью, как «голубой интернационал» [8, 13].

Былинный богатырь вел жизнь в походах, полную опасностей и приключений. Однако в былинах постоянно акцентируется внимание на патриотизме богатыря, его готовности

прийти на помощь родной стране. Возникает противоречие между историческими фактами (космополитизм значительной части дружинников и особенно варягов) и образом обычно исконно русского богатыря из былин. Как оно снимается? Видимо, за счет того, что любой социальный образ функционален и несводим только к простому отражению. Он, если существует, должен быть востребован.

Образы былинных богатырей были необходимы именно для преодоления отчуждения новоявленного, пока еще окончательно несформированного бродячего государственного аппарата от местного населения. Фактически они, эти образы, удовлетворяли стихийно возникшие общественные запросы на формирование ценностей городской культуры. Нездоровая склонность к миграциям была опасна для города, она устарела и подлежала осуждению (что и происходит в былинах). Пришельцы должны были либо укорениться, либо исчезнуть вместе со старыми социальными нормами.

Если исчезали прежние носители, то должен был меняться и образ города. Городской организм стал нуждаться в однозначных образах. Поведение же былинных богатырей двойственно. Они служат князю, но не чуждаются не только анархических, но и, иногда, антихристианских поступков. Поэтому рудименты языческих верований, еще допустимые в городах до правления Владимира Старого, в дальнейшем, после принятия христианства, терпимыми быть не могли.

Наверное, одна из первых попыток видоизменить образ пришельца и, соответственно, образ города связана с легендой о путешествии Андрея Первозванного. Его мифическое пребывание на киевских горах отображает замену языческих норм на христианские. С мифом об Андрее Первозванном образ города наполняется жертвенными и палаческими коннотациями. По преданию, впоследствии апостол был распят язычниками в одном из греческих городов. Впрочем, Андрей Первозванный все же не был вполне подходящей кандидатурой для нового образа древнерусского города. Ведь апостол не относился к числу местных жителей, он также пришелец, его посещение разово, однократно.

В новых условиях древнерусские города должны были быть связаны с хорошо узнавае-

мыми персонажами из отечественной истории. Теперь, в противовес былинным богатырям, требовались образы дисциплинированных идеальных горожан. Их должно отличать не бессилие – в городе необходима активность, молодость, коммуникабельность – но характер, способность к поступку, к личной жертве. Заметим, что необходимость жертвы далеко не все способны осознать (вспомним христианское: «неисповедимы пути Господни»).

Для христианства, в отличие от язычества, личная жертвенность – это данность. Она могла быть и для Бога, и для власти, но скрытую пользу при этом извлекал и город как место, где концентрировались управление и храмы. Закономерно, что город был заинтересован в жертве, жаждал ее от своих граждан и, по принципу – кому это выгодно, стремился к палачеству. Однако его репрессивные функции и образы им соответствующие, как и ранее, завуалированы, скрыты.

Образ города-палача проявлялся опосредованно через агрессию его и его жителей. И постепенно, параллельно со сложением исторических предпосылок, за убийством или насилием постепенно формировалась новая суть древнерусского города. Его мощь оказывалась в прямой зависимости от степени его, в большинстве случаев узаконенного, насилия. Еще язычницей княгиня Ольга наказывает древлян. Ее внук Владимир, уже приняв христианство, системно, опираясь на мощь государственного аппарата, борется с разбоями – богатырская этика все более дополняется и вытесняется чиновничьим подходом.

Апофеоз жертвенности как камуфляжа палачества особенно ярко проявился в дошедших до нас сведениях об убийстве князей Бориса и Глеба. Ученые до сих пор спорят, были ли Святополк подлинным инициатором убийства своих братьев или эта сомнительная честь принадлежит Ярославу Мудрому [9, 336-354]. Но для составителей «Сказания» и авторов других письменных источников об убийстве князей этот вопрос излишний. Основной пафос здесь иной. Это воспевание их мученической кончины.

Нет сомнения, что братоубийственная борьба за власть аморальна всегда и подлежит осуждению. Наличие множества списков «Чтения» и «Сказания» хорошо подтверждает эту исти-

ну и то, что данный агиографический сюжет был востребован в духовных исканиях наших предков [8, 53]. Однако есть и иные, глубинные обстоятельства. Полагаем, что акцентирование внимания на гибели князей было вызвано и прежним маргинальным положением города-богатыря.

За перипетиями борьбы за власть после смерти князя Владимира в очередной раз скрывались трансформации городской культуры. Все князья и их окружение – горожане. Но горожане внутренне неоднородные, разной степени социализации. Так, например, Илья Муромец в значительной мере асоциален. Он и другие герои русских былин демонстративно отчуждены и от города, и от родственников. Для них родственные, в том числе семейные, узы всегда находятся на периферии внимания.

Типичный герой былинной эпохи – одиночка вне семьи. У богатыря связи с женщинами – факультатив по отношению к подвигу, всего лишь побочные эпизоды на жизненном пути. Для сельских же жителей потеря родственных связей была немислима. Но качественный рост городского организма потребовал возвращения к семейным и родовым ценностям. То, что было преодолено на предыдущем этапе исторического развития, теперь возродилось, но уже на городской почве. Оставалась проблема осознания: был необходим пример для подражания, своеобразный нравственный эталон.

И такой эталон не мог не явиться. Борис и Глеб гибнут не в бою, не за веру, а за нежелание выступить с оружием в руках против узурпатора, который приходится им старшим братом. Семейные ценности и осуждение княжеских усобиц здесь переплетаются со скрытой социальной механикой города. Убийцы Бориса (и возможно, Глеба) из Вышгорода, но именно сюда, в этот грешный город, со временем и будут перенесены мощи святых князей.

Да, по письменным источникам (как на самом деле – неизвестно) Вышгород убил святых братьев. И он же, за счет их гибели, стал святым местом. В «Сказании» город сравнивается со вторым Солуном [8, 63]. Прослеживаются, таким образом, ассоциации между Дмитрием Солунским и русскими Борисом и Глебом. Оба города получают своих мучеников и небесных покровителей. Разумеется, речь не идет о циничной многоходовой комбинации по

«раскрутке» имиджа конкретного древнерусского города.

Напротив, захоронение в Вышгороде это явное средство психологического давления на его жителей. Скорее всего, данной акцией князь Ярослав напоминал о коллективной вине города – ведь именно его мужи указывались в качестве убийц. Участники тех событий мыслили иначе, чем мы. Была крестьянская община, «вервь». Был и ее неземледельческий аналог – городская община. Город возвышался над селом.

И культурная ответственность этой новой, стремящейся к идеалу общины должна была быть выше выплаты разовой сельской «дикой виры». Особенно при убийстве членов правящей династии. Город требовалось не только наказать, но и вернуть в идеальное состояние. Обретение святых останков очищало его от скверны. Отсюда и перенесение мощей в согрешивший город. Вполне допустимо, что поведение людей того времени и не было столь сложно обусловлено. Оно во многом могло определяться ситуативными моментами.

Тем интереснее проследить, как через цепь случайностей прокладывали свой путь социокультурные закономерности развития очеловеченного пространства. Если кончина Бориса и Глеба сравнивалась с подвигом Христа, то их убийца Святополк стал Окаянным – новым Каином. Однако, как отмечалось в предшествующих публикациях, Каин, по библейскому преданию, не просто убийца, он создатель первого города на земле [10, 92-93]. Заметим, что сын Каина Ламех также убийца, но невольный.

Поэтому Святополк не только преступник, но также и жертва города. Он – дитя «двух отцов». Он – сын гречанки-монахини, от Ярополка, которая уже беременной досталась брату насильника – князю Владимиру. Ярополк якобы благоволил к христианам и погиб в междоусобной распре. Владимир тогда был еще язычником и стал победителем. А затем принял христианство и искупил свои грехи. Таким образом, Святополк оказывается проклятым от рождения, Каином во втором поколении, для которого и не предполагается возможность искупления вины.

Соответственно, символика, связанная с убийцей и убитыми, оказывается много слож-

нее состава самого преступления. Это преступление было совершено вне города, но горожанами (интересно, что один из непосредственных убийц – повар) и против горожан. Сведения о мифических деталях этого преступления дошли до нас благодаря фактическим жителям города – грамотным монахам подгородного Киево-Печерского монастыря. Гибель Святослава неизвестно где – это выброс и физическое уничтожение культуры варягов, богатырей, изгоев городами и государством. Заметим, что много ранее нечто подобное произошло и с античным Ромулом [10, 94].

Итак, образы преступников, их жертв и информаторов переплетаются между собой на почве именно городской культуры. Город навязывает свои нормы и объективно требует жертв. Они непредумышленны, но порождаются логикой социальных конфликтов. Палаческие функции города порождены множеством причин. Это и сакральные ценности, и социальные противоречия, и борьба за власть (над городом и вне его), и необходимость дисциплинарных практик для новых горожан.

Разнообразие причин ведет и к разнообразию жертв. Убийство князей – случай исключительный, крайний. Были и другие жертвы, не обязательно разовые, кровавые и не всегда оставлявшие яркий след в историческом сознании. Покоренные крестьяне изгои, а также пленники, продаваемые за границу князьями, купцами, варягами, почти не оставили о себе запоминающихся, «говорящих» образов как жертв города [11, 53-64]. Их драмы и трагедии ныне забыты.

Иное положение сложилось с русским монашеством. Его история запечатлена в письменных источниках. Первые древнерусские монастыри были территориально близки к городам. «Все сведения о домонгольских монастырях указывают на их городской или подгородный характер, – замечает Г.П. Федотов. – Настоятели их принимают живое участие в общественной жизни Руси; старцы являются излюбленными духовниками мирян. Отсюда можно сделать косвенный вывод о том, что и святость в Древней Руси воспитывалась под преимущественным влиянием св. Феодосия» [12, 77].

И действительно, отсутствие тотального отчуждения древнерусских монахов от городского мира подтверждено многократно. Необходимость института монашества как неформального социального института не подлежит сомнению. Государство принуждало подданных, монастырь их воспитывал. Государство давало право, монастырь – культуру. Эта культура была, по преимуществу, городская.

По мнению Г.П. Федотова, уже упомянутый игумен Киево-Печерского монастыря Федосий «не только встречает мир у врат своей обители, но и сам идет в мир: мы видим его в Киеве, на пирах, в гостях у бояр. Кто не помнит его тихого вздоха по поводу княжеских скомоухов?» [12, 56]. Отказ монахов от грешного мира и самопожертвование здесь соседствовали со строительством нового искусственно созданного города, который должен был быть близок по своим свойствам к миру божественному, идеальному.

Но в реальности город, как центр христианства, окруженный сельской языческой местностью, был ее эксплуататором. Поэтому он, для обоснования новых претензий, в том числе палаческих, искал для себя соответствующее оправдание и соответствующих же культурных жертв. Ему обязательно требовались святые, чтобы скрыть и исправить собственные грехи. Нужны были добровольцы и, желательно, из состава собственного населения.

Монахи стали оптимальными, необходимыми и, самое главное, добровольными жертвами города, которые одновременно его реабилитировали. Бескорытием, терпимостью, постом и трудом они оправдывали существование городского мира, конфликтного, жадного и не всегда стремящегося к работе. Несовершенные города рождали идеальные монастыри, чтобы иметь своих заступников перед Всевышним.

Монастырь своим существованием не только идеализировал город. Фактически он выполнял скрытый социальный заказ, идущий от города и направленный на улучшение городских нравов. Монастырь, благодаря отказу от естественного мира в целом, получал возможность воздействовать на мир локальный, городской. Монастырь также придавал новые смыслы прежним культурным нормам.

Теперь подвиги богатырей, их рискованные и не всегда логичные перемещения в пространстве («моя воля, я так хочу») заменились иными ценностями. Им на смену пришел монашеский подвиг (подвиг смирения, подвиг моления в келье или, в идеале, даже на столе). Да, богатырь внешне больше походил на социально активного, но одинокого горожанина – князя, воина, купца. Зато монастырь и монахи, их дисциплинированная корпорация – на город в целом. Богатырь сражался, ездил, был в движении, монах же тяготел к месту. Его движение – внутреннее, невидимое.

Горожан и монахов объединяли близкие проблемы. Основная – скученность индивидов на ограниченном защитными стенами пространстве. Территориальное укоренение черного духовенства, его привязка к монастырю, стабильность были близки к образам неподвижных городских стен и храмов. Там и там жизнь конструировалась по лекалам вечного неподвижного божественного мира.

При этом большая структурированность социальных связей в монастыре давала жителям города ориентиры для грядущих изменений. Способность монахов наладить жестко регламентированную совместную жизнь, положительно воздействовала на горожан. Они заимствовали, разумеется, не в полном объеме, ряд монастырских норм. Это распорядок дня, регулярные молитвы, терпимость по отношению друг к другу, трудовая этика и этика взаимопомощи.

Без монастырей была невозможна геополитическая и культурная переориентация Древней Руси. Для того чтобы варяжское северное воздействие сменилось противоположным южным, византийским, разового крещения было, конечно же, недостаточно. Требовалось создание внутренних очагов распространения христианской культуры. Древнерусский монастырь задавал городу импульсы христианства, которые затем совместно транслировались ими на сельскую округу. Таким образом, городская культура и христианство взаимно дополняли друг друга.

Являясь узлом новой культуры, монастырь вынужденно концентрировал в себе старые и новые социальные конфликты. Их было много: тяготы монастырской жизни, проблемы взаи-

моотношений с властями, социальное расслоение и беды неимущих, рудименты язычества. Эти конфликты заимствовались монастырем из мира, извне. И – осознавались, переплавлялись, адаптировались и распространялись на городской социум.

Об этом свидетельствует житие Авраамия Смоленского. Святой не только самостоятельно изучал богословскую литературу в монастыре, но и активно проповедовал в городе. Он следовал примеру своего любимого автора – Иоанна Златоуста: «Да не учитель далече града будет. Оттоле выиде в град, уча и наказуя» [12, 239]. Но его личные преобразовательные усилия оказались слишком радикальными для горожан. Они вызвали раскол в Смоленске, суд над Авраамием и угрозы святому, вплоть до убийства.

Возникновение монастырей означало продолжение дифференциации очеловеченного пространства. Прежде существовало только разделение на город и сельскую местность. Теперь оно дополнилось выносом за город материальных и культовых элементов городской культуры – монастырей. Кроме того, монастыри и церковь приобщали Древнюю Русь к византийской цивилизации. В языческой округе появились инородные очаги новой культуры. «Христианство в XI в. жалось к городам, почти не выходя за пределы городских стен и пригородных монастырей», – отмечал Б.А. Рыбаков [14, 29].

Однако не стоит забывать, что для греков Киевская митрополия относилась к далекой периферии. Она была лишь одной из многих, подчиненных Константинопольскому патриарху. Это порождало у неопитов чувство собственной ущербности. Возникло желание доказать собственную состоятельность, несмотря на отдаленность от старых христианских центров.

Вначале такое желание реализовалось на общерусском уровне. Поэтому публицистическое «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона отображает и идеологические претензии культурных провинциалов христианской ойкумены. Исследователями уже отмечалось, что, различая закон (иудейский) и благодать (христианскую), митрополит Илларион отвергал теологическую монополию Визан-

тии. По его мнению, благодаря Святому Владимиру Русь и столичный Киев принципиально ничем не отличались от мировых центров христианства.

Затем на внешние противоречия стали накладываться противоречия внутренние. После распада единого государства началось противостояние между удельными столицами. Политические конфликты разворачивались по многим осям. Перечислим некоторые из них. Киев – Новгород, Киев – Чернигов, Киев – Владимир, Суздаль – Владимир, Новгород – Псков – Тверь, Москва – Новгород. Эти оси были, одновременно, и яркими свидетельствами нарастающей культурной разобщенности в региональном пространстве.

Интересно, что статус удельных центров города получали не столько усилиями местного населения и конкретной территории, сколько за счет пришлых князей. То есть удельный статус, как и ранее христианство, во многом привносился сюда извне или из периферии. Далее удельные города сами формировали на локальном уровне зависимые от них структуры. Формировали «сверху», насильственно. Такая активная периферия была способна перехватить у столичного города его репрессивные обязанности. Происходила рокировка ролей палача и жертвы.

Поэтому древнерусские «провинциалы» Владимир Старый, Ярослав Мудрый, Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский не без успеха стремились достичь и захватить свою столичную жертву – Киев. Но даже реализованные столичные претензии удачливого князя не избавляли его от последующего постоянного соперничества с конкурентами. Запутанные же отношения между князьями порождали деформации образов города и нездоровый консерватизм, вплоть до регенерации латентного язычества.

Подобные рокировки означали дезорганизацию социума. В предельном основании они могли привести и к смене цивилизационной колеи. Так, после захвата Киева, бывший «провинциал» Владимир попытался создать в приватизированной им столице языческий пантеон из местных богов покоренных земель. А затем отменил язычество, вытеснил анархичную вольницу и принял христианство.

Еще один пример – поход «провинциальных» же чернигово-северских князей против половцев, воспетый в полужыческом «Слове о полку Игореве». Налицо принятие периферийными князьями и городами несвойственных им столичных палаческих и даже богатырских образов. Последующее закономерное ордынское

игло обособило русские земли от европейской цивилизации и – покончило с существующими богатырскими и палаческими образами города. Все русские города, на которые обрушился удар ордынцев, оказались бессильны перед захватчиками, стали их жертвами.

Литература

1. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. 640 с.
2. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. С древнейших времен до Великой Смуты. Т. I. М., 2010. 376 с.
3. Селиванов Ф.М. Русский эпос. М., 1988. 207 с.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников / М.Б. Бибииков, Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон и др. М., 2003. 608 с.
5. Стефанович П.С. К спору Ю.М. Лотмана и А.А. Зимина о «чести» и «славе» в Древней Руси // Одиссей. Человек в истории. М., 2004. С. 108-114.
6. Петров И.В. Государство и право Древней Руси (759-980 гг.). СПб., 2003. 413 с.
7. Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002. 368 с.
8. Литература Древней Руси / Сост. Л.А. Дмитриев; Под ред. Д.С. Лихачева. М., 1990. 544 с.
9. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.). М., 2001. 339 с.
10. Ершов М.Ф. Культурные аспекты генезиса города // Вестник Югорского государственного университета. – Ханты-Мансийск. – 2012. – № 1 (24). – С. 92-99.
11. Сабуров Е.Ф. Город как общество // Общественные науки и современность. – 2004. – № 3. – С. 29-38.
12. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. Ростов н/Д. 1999. 384 с.
13. Рыбаков Б.А. Русские средневековые вольнодумцы // Свободомыслие и атеизм в древности, средние века и в эпоху Возрождения. М., 1986. С. 211-235.
14. Рыбаков Б.А. Стригольники (Русские гуманисты XIV столетия). М., 1993. С. 211-235.

References

1. Lebedev G.S. Jepocha vikingov v Severnoj Evrope i na Rusi. SPb., 2005. 640 s.
2. Nefedov S.A. Istorija Rossii. Faktornyj analiz. S drevnejshih vremen do Velikoj Smuty. T. I. M., 2010. 376 s.
3. Selivanov F.M. Russkij jepos. M., 1988. 207 s.
4. Drevnjaja Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov / M.B. Bibikov, G.V. Glazyrina, T.N. Dzhakson i dr. M., 2003. 608 s.
5. Stefanovich P.S. K sporu Ju.M. Lotmana i A.A. Zimina o «chesti» i «slave» v Drevnej Rusi // Odissej. Chelovek v istorii. M., 2004. S. 108-114.
6. Petrov I.V. Gosudarstvo i pravo Drevnej Rusi (759-980 gg.). SPb., 2003. 413 s.
7. Mishin D.E. Sakaliba (slavjane) v islamskom mire v rannee srednevekov'e. M., 2002. 368 s.
8. Literatura Drevnej Rusi / Sost. L.A. Dmitriev; Pod red. D.S. Lihacheva. M., 1990. 544 s.
9. Danilevskij I.N. Drevnjaja Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX-XII vv.). M., 2001. 339 s.
10. Ershov M.F. Kul'turnye aspekty genезisa goroda // Vestnik Jugorskogo gosudarstvennogo universiteta. – Hanty-Mansijsk. – 2012. – № 1 (24). – S. 92-99.
11. Saburov E.F. Gorod kak obwestvo // Obwestvennye nauki i sovremennost'. – 2004. – № 3. – S. 29-38.
12. Fedotov G.P. Svjatye Drevnej Rusi. Rostov n/D. 1999. 384 s.
13. Rybakov B.A. Russkie srednevekovye vol'nodumcy // Svobodomyслиe i ateizm v drevnosti, srednie veka i v jepohu Vozrozhdenija. M., 1986. S. 211-235.
14. Rybakov B.A. Strigol'niki (Russkie gumanisty XIV stoletija). M., 1993. S. 211-235.